

О.М. Акай

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИАЛЬНАЯ (ЧАСТИЧНАЯ) ЛАКУНАРНОСТЬ*

Посвящено межъязыковой категориальной лакунарности. Подчеркивается, что под частями речи, как правило, понимаются системы классов: лишённые конкретности, они не воспроизводятся в речевых отрезках непосредственно, но обобщают разрозненные, изолированные явления действительности, отраженные в виде отдельных слов, которые передают соответствующие понятия. Отмечено, что системы частей речи не совпадают не только в генетически и типологически далеких друг от друга языках, но даже в языках родственных, что и порождает межъязыковую лакунарность. Говорится, что компенсаторные возможности элиминирования языковых лакун выражаются в лексической, грамматической и стилистической языковых системах. Делается вывод о том, что выявление их значимо для успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: части речи, грамматика, грамматические категории, лексико-грамматические классы, межъязыковые лакуны.

О.М. Akaj

INTERLINGUAL CATEGORIAL (PARTIAL) LACUNARITY

Dedicated to interlanguage categorial lacunarity. It is emphasized that parts of speech are usually understood as class systems.: devoid of concreteness, they are not reproduced directly in speech segments, but they generalize isolated, isolated phenomena of reality, reflected in the form of individual words that convey the corresponding concepts. It is noted that the systems of parts of speech do not coincide not only in genetically and typologically distant from each other languages, but even in related languages, which generates interlanguage lacunarity. It is said that the compensatory possibilities of eliminating language lacunae are expressed in lexical, grammatical and stylistic language systems. It is concluded that their identification is significant for successful intercultural communication.

Keywords: parts of speech, grammar, grammatical categories, lexical and grammatical classes, interlanguage lacunae.

Вопрос о природе и сущности частей речи как «вечная» лингвистическая проблема

Практически любая теоретическая работа по грамматике содержит (в том или ином виде) утверждение о том, что существуют разные точки зрения на состав частей речи и принципы их выделения, причем ни одна из точек зрения не является общепризнанной. Однако части речи

прочно вошли в арсенал современной науки, поскольку при описании конкретного языка невозможно обойтись без них: именно части речи отражают структуру соответствующего языка. И тем не менее проблема частей речи далека от окончательного разрешения как в теоретическом, так и в практическом отношении. Так, в современном английском языке грамматисты

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-0016.

указывают от 4 до 13 частей речи; в русском языке в разное время находили от 2 до 20 частей речи.

«В каждом новом научном труде или учебном пособии по грамматике русского или английского языка предлагаются разительно отличающиеся друг от друга перечни грамматических категорий, частей речи, семантических и структурных типов предложения» [7, с. 93]. «Бесспорными» частями речи чаще всего оказываются существительное, прилагательное, глагол и наречие. Спорадически статус особых частей речи придается числительному, местоимению, предлогу, союзу, артикю, междометию, а также модальным словам и частицам. Сами грамматисты XIX–XX вв. нередко считали трактовку частей речи не опирающейся на последовательные логические принципы, а потому «несостоятельной» [10, с. 415], «неудовлетворительной» [4, с. 41], «не отвечающей требованиям научной классификации» [11, с. 9].

Классификация частей речи объективно трудна, потому что она связана с кардинальными свойствами языка и отраженными в нем мыслительными категориями, связана со словом, грамматическая природа которого еще не познана в полной мере (прежде всего ввиду его многоликости). На основании последнего не раз высказывалось пессимистическое мнение о бесперспективности, бесплодности попыток дать удовлетворительную систему частей речи.

Сам термин «части речи» – это калька с древнегреческого *τιμήματα τοῦ λόγου* или с латинского *partes orationis* (ср. фр. *parties du discours*, англ. *parts of speech*, нем. *Redeteile*). В основе европейской грамматической традиции, связанной с учением о частях речи, лежит античное (древнегреческое, затем древнеримское) описание языка по акциденциям (грамматическим

категориям). Так, в трудах Аристотеля классификация частей речи, отражающая результаты познавательной деятельности человека и включающая элементы диалектики, была поставлена в зависимость от семантики и логики, требовавших такого членения классов слов, которое опиралось бы на выявление у них общих значений, в соответствии с которыми можно построить правильные с точки зрения логики сочетания слов и предложения.

Аристотель выделял восемь частей речи, включая в их перечень весьма разнородные наименьшие единицы, имеющие «некое значение»: член, имя, глагол, падеж, элемент, слог, предложение, союз. Грамматическая природа «частей речи» при этом совершенно не учитывается. В учении Аполлония Дискола части речи выделяются уже на грамматической (синтаксической) основе: фактически части речи у него – это синтаксические классы, т.е. члены предложения. В Александрийской школе была принята восьмичастная система частей речи. Выделенные Аристархом восемь частей речи: имя, глагол, причастие, член (артикуль), местоимение, предлог, наречие, союз – переключались затем в грамматику Варрона “*De Lingua Latina*”, а затем на многие века закрепились в европейской грамматической науке [2, с. 80–82, 298–300]. Те же восемь частей речи выделялись в славянских грамматиках вплоть до ломоносовской «Российской грамматики», где появился расширенный список из десяти частей речи: имя (существительное, прилагательное, числительное), местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие.

Как классические теории частей речи (начиная с Аристарха Самофракийского, II в. до н. э.), так и современные исходят из комплексности критериев, из «тройки» сущности частей речи, которые имеют

смысловую основу (т.е. обобщенное, или категориальное, значение типа «предметность», «признаковость», «действие»), морфологические свойства (формоизменение) и синтаксические признаки (синтаксическую роль в предложении). Конкретно референциальные свойства частей речи определяются их отнесенностью к разным фрагментам реального мира, так как каждая часть речи фиксирует свою собственную область.

Этот, казалось бы, всесторонний подход не обеспечивает, однако, единообразного решения вопроса о количестве и составе частей речи. Отсутствие единого принципа классификации частей речи нередко стало осознаваться как недостаток. Тем не менее попытки осуществить классификацию частей речи на основании только одного критерия, например формально-морфологического, как в концепции Ф.Ф. Фортунатова, приводили к чисто схематическим построениям (у Ф.Ф. Фортунатова, как известно, наречия и несклоняемые существительные оказывались объединенными в один класс на основании признака морфологической неизменяемости). Осуществить удовлетворительное распределение по частям речи на основании единого *principium divisionis* не удастся в силу асимметрии формы и содержания, а также несовпадения синтаксиса и грамматической семантики.

Части речи и межъязыковая лакунарность

Поскольку части речи отражают категории мышления, надо полагать, что системы частей речи будут сходными в разных языках. Однако то, что характерно для «европейского стандарта», имеет мало общего с грамматической структурой иных языков. В большинстве руководств по лингвистической теории говорится, что категории глагола и имени различаются везде.

«Мне пришлось в этом усомниться, когда я стал заниматься американскими индейскими языками, где такие явления, как Солнце, называются отглагольными производными», – пишет В.В. Иванов [5, с. 51]. И далее: «Кажется особенно затруднительным выделение имени (и в особенности группы имени как составной части предложения, отдельной от группы глагола) в полисинтетических языках, где существительное появляется только в той усеченной морфе, которая инкорпорируется в глагольную форму. Индеец, учивший меня ирокезскому языку онондага, отказывался перевести на него с английского слово *tree* “дерево”, говоря, что морф со сходным значением есть только в составе глагольной формы» [Там же, с. 52]. Ср. мысль Э. Бенвениста о том, что противопоставление имени и глагола не есть свойство, внутренне присущее природе, которое язык только фиксирует; это категории, сформировавшиеся в некоторых языках и спроецированные на природу [3, с. 168].

В языке мовима отмечается слабый контраст между частями речи и отсутствии противопоставления между глаголом и существительным: они могут быть как предикатами, так и именной группой [12]. В языке хупа категория времени может выражаться существительным [13]. И все подобные факты чрезвычайно важны для теоретического языкознания, ибо это «для древних греков существовала пропасть между “бормотанием варваров” и единственным настоящим человеческим языком, а для современного лингвиста... отсутствие данных по многим языкам – невозполнимая утрата» [1, с. 14].

Как известно, существует две группы факторов, влияющих на появление межъязыковых лакун: 1) лингвистические факторы, связанные со своеобразием чле-

нения мира в том или ином конкретном языке; 2) экстралингвистические, обусловленные своеобразием истории, культуры, географических, экономических условий народа – носителя языка. Очевидно, что на формирование частей речи как обобщенных классов слов наибольшее влияние оказывают собственно лингвистические факторы, которые, впрочем, тесно связаны с факторами экстралингвистическими.

Категориальная (частеречная) лакунарность выявляется при сопоставлении языков: «Лакуны не заметны изнутри при рассмотрении одного языка, текста или культуры, но выявляются при их сопоставлении» [8, с. 4].

Отсутствие той или иной части речи может (в ситуации сравнения с другими языками) ощущаться как недостаток. Ср. статью Р.Ф. Касаткиной с показательным названием «Русский язык ищет артикль» [6]. В английском языке артикли как разряд служебных слов представляют собой лексико-грамматические единицы, в языковое содержание которых, наряду с грамматической функцией, входят лексические значения. Существует целый ряд лингвистических теорий артиклей: теория указания, теория известности денотата существительного, теория коммуникативных функций артиклей, теория двух типов соотношенности значения существительного, а также теория индивидуализации и классификации как значений артиклей [9].

То, что в артиклевых языках передается с помощью определенного артикля: *the, la, die*, – в русском языке выражается с помощью указательного местоимения *этот* (на это обстоятельство обратил внимание И.И. Ревзин, который, имея в виду артиклевую функцию местоимения *этот*, ввел термин «местоимение-артикль»), а также с помощью выделения ремы: *студентка пришла* (известный, ожидаемый персонаж

прибыл). Если бы была выделена тема, то сообщалось бы о том, что какая-то, некая студентка пришла, что в артиклевых языках было бы передано с помощью артиклем *a, une, eine*.

По мысли Р.Ф. Касаткиной, в русском языке есть слова, которые могут быть охарактеризованы терминами квазиартикль или преартикль: *тот самый, пресловутый, небезызвестный, один* (на артиклевую функцию слова *один* указывала также Т.М. Николаева) [6]. Интересно, что Р.Ф. Касаткина объясняет именно «поисками артикля» участвовавшие в последнее десятилетие случаи плеонастического употребления местоимения *то*: *я думаю то, что...; мне кажется то, что...* «Эти случаи гиперкорректного использования местоимения связаны с возникшей неустойчивостью статуса местоимения *тот, то, та, те*, с формированием его новой артиклевой функции» [Там же, с. 7].

Критическое отношение к универсализму в языкознании, признававшему за языками только различия в звуках и их конвенциональных сочетаниях, давно (со времен Ф. Бэкона и И. Гердера) уступило мнению о том, что вся содержательная сторона языка имеет идиоэтнический характер. В XX в. термин «языковая картина мира» стал суперпопулярным, отчасти даже модным.

Естественно, что признание национально-специфического характера языковой картины мира не исключает в ней универсальных элементов. Так, к общеязыковым универсалиям нередко относят класс числительных. Очевидно, числительные имеют такой же возраст, как и сама идея счета, поскольку они обнаруживаются уже в начале позднего палеолита. Известно, что первые знаки в древнейших письменных системах (шумерской и др.) были числовыми, поэтому числительные считаются «первоотчком» в развитии письменно-

сти. Общеизвестно, что в сознании человека числовые значения являются древними и фундаментальными. Возможно даже, что элементарная количественная семантика принадлежит к врожденным значениям (об этом свидетельствуют положительные опыты по обучению макак правильно выстраивать градацию совокупностей разных предметов от 1 до 9). И при всем этом категория числительного как части речи неидентична в различных языках. В.В. Иванов указывает, что в языках бассейна Амазонки отсутствует счет в прямом смысле этого слова, точное понимание числа: значения числительных там настолько «размыты», что возможно употребление их по отношению к нескольким числам [5].

Как известно, грамматические лакуны нередко коррелируют с лакунами стилистическими или ассоциативными. Так, универсальный класс квантификаторов, который в большинстве языков мира оформляется как самостоятельная часть речи, оказывается насыщенным фоновой и коннотативной семантикой. Так, в русском языке *два* символизирует значение *мало* (*в двух шагах*), однако следующее слово в натуральном ряду чисел – *три* – уже символизирует *много*: *наврать с три короба*. В испанском языке *много* начинается с числительного *четыре*. В русском языке числительное *семь* (*семеро*) связывается с представлением *очень много*: *семь няnek, работать за семерых, один с сошкой – семеро с ложкой, семеро одного не ждут, семь бед – один ответ, семь раз отмерь, один раз отрежь, семь верст до небес*. В испанском *семь* тоже символ большого количества и изобилия. Интересно, что числительное *семь* занимает особое место в селькупском

языке: это священное число, так как существует семь небес, семь ветвей дерева, семь жертвенных деревьев у святилища. Оно редко используется для передачи тривиального точного количества, но является знаком великого множества, полноты мира, мировой гармонии.

Числительные способны передавать не только количественную прагматику (много/мало), но и коннотации мелиоративности и пейоративности. Число *шесть* – мелиоратив в китайском языке; утроенная шестерка (666) – число, приносящее удачу, в то время как у европейцев и американцев это «число дьявола». Таким образом, и при совпадении категориальных параметров (систем частей речи) в различных языках национально-специфичными остаются коннотационные, прагматические свойства даже эквивалентных (с точки зрения общекатегориальной семантики) единиц.

Заключение

Мышление, имеющее общечеловеческие законы, манифестируется, однако, с помощью многочисленных языков, которые серьезно отличаются друг от друга по грамматическому устройству, а значит, по количеству и составу частей речи, что и формирует категориальную (частеречную) лакунарность. Феномен лакунарности в высшей степени существен для языков мира. Грамматические лакуны вообще и категориальные (частеречные) лакуны в частности продуктивно исследовать в лексико-грамматической и стилистической системах конкретных пар языков: именно тогда могут быть выявлены компенсаторные возможности элиминирования лакун (делакунизации), что значимо для успешной межкультурной коммуникации.

Литература

1. *Алпатов В.М.* Книга А. Мейе глазами некомпаративиста // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 3–16.
2. Античные теории языка и стиля. М.; Л.: ОГИЗ: Соцэкгиз, 1936. 344 с.
3. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / пер. с фр. Изд. 2-е, стер. М.: Editorial URSS, 2002.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.
5. *Иванов В.В.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М., 2004. 208 с.
6. *Касаткина Р.Ф.* Русский язык ищет артикль // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 3–9.
7. *Копров В.Ю.* Практикоориентированная модель семантико-функциональной грамматики // Русская грамматика: сборник трудов Международного научного симпозиума. М., 2016. С. 92–94.
8. *Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию: учебное пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
9. *Огуречникова Н.Л.* Системный статус, значение и функции артиклей в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 53 с.
10. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
11. *Серебренников Б.А.* Секторная структура языка и проблема частей речи // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л.: Наука, 1965. С. 5–14.
12. *New Challenges in Typology: Transcending the Borders and Refining the Distinctions* / ed. by P. Epps, A. Arkhipov. Berlin; N. Y.: Macton de Gruyter, 2009.
13. *Nida E.* *Toward a Science of Translation.* Leiden, 1964.

Literatura

1. *Alpatov V.M.* *Kniga A. Meje glazami nekomparativista* // *Voprosy yazykoznaneya.* 2010. № 6. S. 3–16.
2. *Antichnye teorii yazyka i stilya.* M.; L.: OGIZ: Sotsekgiz, 1936. 344 s.
3. *Benvenist E.* *Obshchaya lingvistika* / per. s fr. Izd. 2-e, ster. M.: Editorial URSS, 2002.
4. *Vinogradov V.V.* *Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove.* M.: Vysshaya shkola, 1972.
5. *Ivanov V.V.* *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushchemu.* M., 2004. 208 s.
6. *Kasatkina R.F.* *Russkij yazyk ishchet artikl'* // *Voprosy yazykoznaneya.* 2012. № 2. S. 3–9.
7. *Koprov V.Yu.* *Praktikoorientirovannaya model' semantiko-funktsional'noj grammatiki* // *Russkaya grammatika: sbornik trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma.* M., 2016. S. 92–94.
8. *Markovina I.Yu., Sorokin Yu.A.* *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu: uchebnoe posobie.* M.: GEOTAR-Media, 2010.
9. *Ogurechnikova N.L.* *Sistemnyj status, znachenie i funktsii artiklej v anglijskom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* SPb., 2008. 53 s.
10. *Paul' G.* *Printsipy istorii yazyka.* M., 1960.
11. *Serebrennikov B.A.* *Sektornaya struktura yazyka i problema chastej rechi* // *Voprosy teorii chastej rechi (na materiale yazykov razlichnykh tipov).* L.: Nauka, 1965. S. 5–14.
12. *New Challenges in Typology: Transcending the Borders and Refining the Distinctions* / ed. by P. Epps, A. Arkhipov. Berlin; N. Y.: Macton de Gruyter, 2009.
13. *Nida E.* *Toward a Science of Translation.* Leiden, 1964.